

Во время следующего короткого перерыва к микрофону подходит какой-то человек и объявляет, что такой-то жертвует театру столько-то рупий. Вслед за этим выносятся благодарности присутствующему на спектакле архитектору, строителю эстрады, — за выполненную им работу ему преподносится подарок.

Как бы высоко, однако, ни ценилось здесь искусство старинного танца, жизнь берет свое: все чаще и чаще можно встретить на народных празднествах, на митингах и собраниях танцоров, исполняющих современные народные танцы. Однажды, на пути в Мадуру, мы остановились на обед в одной деревне. Около нас собрался народ, и молодые рабочие плясали свои веселые деревенские пляски, полные жизни, непосредственности и юмора. За девушку плясал парень и с таким лукавым кокетством выделял свои сложные фигуры, что невозможно было удержаться от смеха, глядя на него. На одном из концертов мы видели вполне современный танец рыбака и рыбачки, построенный на реалистическом сюжете и воплощающий живые народные характеры. В танце рассказывается о рыбаке, которого на берегу укусила змея, и вокруг его переживаний разворачивается целая танцевальная пантомима. Далее девушка-танцовщица исполняла танец с тарелками, показав при этом замечательное жонглерское искусство: делая руками самые причудливые и стремительные движения, она удерживала тарелки на ладонях. В заключение нам показали массовый крестьянский танец урожая, в котором классические танцевальные традиции индийского народа обогащены новым эмоциональным содержанием.

Во всех областях индийского художественного творчества можно наблюдать борьбу нового и старого, борьбу которая происходит далеко не всегда в открытом виде, но, тем не менее, оказывает все большее влияние на художников и музыкантов, актеров и поэтов. В Калькутте пришлось нам посетить двух художников — Джама Роя и Хоша. Оба они — крупные мастера, владеющие самыми изощренными секретами цветосочетания и композиции, но весьма далекие от реализма. В картинах Хоша бросается в глаза их подчеркнутая, демонстративная недоработанность, небрежность рисунка, сильно отдающая формалистическим кокетством. По всему видно, что Хош — талантливый, умеющий видеть природу пейзажист, но среди многих художников Индии живет предубеждение против реалистической завершенности рисунка, как проявления бездушной «фотографичности». Отсюда и возникают в творчестве многих индийских художников рецидивы несколько наивного импрессионизма. Сам Хош это понимает, но колеблется окончательно определить свой творческий путь, как путь реалистической живописи, и этим, конечно, очень себя обедняет.

Но если трудности, переживаемые Хошем, прямо и непосредственно отражают проникновение в индийское искусство западных формалистических влияний, то для Джама Роя характерно совсем другое. Рой последовательно и убежденно выступает против всех и всяческих проявлений «западничества» в индийской живописи, но самый путь, который он противопоставляет «западничеству», — это путь реставратора, ухода в старину, культ «чистой» национально-религиозной живописи. Исполненные им по преимуществу фресковые картины сплошь посвящены религиозным сюжетам. Художника гораздо больше заботит точность воспроизведения старых живописных приемов, чем эмоциональная выразительность воплощаемых им образов. С изощренным стилизаторским мастерством рисует он человеческие глаза, которые больше лиц, безжизненны, внутренние неподвижны, лишены тепла и света.

Два этих совершенно различных по духу художника вызвали у меня

лично ощущение их настороженности, глухого беспокойства, мучительных и еще не определившихся поисков своей творческой дороги. Несомненно, что в этой настороженности и в этом беспокойстве получают свое выражение важнейшие процессы становления новой индийской культуры.

С одной стороны, во всех областях духовной жизни индийского народа происходит процесс национального самоопределения. Естественно, что многовековое колониальное владычество англичан в Индии, предательские поползновения американцев стать новыми хозяевами Индии вызывали и вызывают у индийцев естественное стремление отстаивать свой национальный престиж во всех областях духовной культуры, — отсюда и националистическое реставраторство в живописи и танце, музыке и поэзии, отсюда же и боязнь современной темы, новизны, связанной в представлении многих индийцев с атрибутами растленной америкапо-английской «цивилизации».

С другой стороны — в культурной жизни индийского народа все более важное место занимает такой могучий факт, как влияние самой прогрессивной и передовой в мире культуры — культуры страны социализма. Во многих книжных магазинах индийских городов уже сегодня можно увидеть книги русских классиков и советских писателей, переведенные на языки хинди, тамильский и английский. О том, как воспринимались индийскими кинозрителями наши советские фильмы, я уже говорил. Все, что относится к нашей социалистической Родине, все, что связано с именем великого Сталина, вызывает в сердцах индийцев самый живой и сердечный отклик.

Но не только по книгам и фильмам, не по одним рассказам членов делегации индийского народа, побывавших в Москве, знают простые люди Индии о нашей великой стране, светоче мира и дружбы народов. Они знают о ней также и потому, что советские пароходы, доставлявшие в мадрасский порт зерно, спасли от голодной смерти десятки тысяч женщин и детей Индии. Они знают о ней потому, что Советский Союз, возглавляющий борьбу народов за мир, всей своей политикой препятствует империалистским факельщикам зажечь пожар новой мировой войны. Они знают, что за тысячи километров от их земли, за горными хребтами и величественными вершинами Гиндукуша, в городе, самое имя которого стало символом света и счастья народов, живет человек, титанический труд, светлая мысль и железная воля которого безраздельно принадлежат будущему человечества, счастью и процветанию народов.

Сталин! Дружба! Мир! — мы слышали эти слова на десятках языков и наречий Индии, мы читали их в глазах людей, различали их в гуле многотысячных народных толп, приветствовавших в нашем лице страну Сталина, страну мира. Это сознание, эти симпатии, этот взволнованный интерес к советской культуре, к жизни советского народа — оказывают все более реальное воздействие и на мастеров искусства Индии, не только таких передовых его деятелей, как Кришнан и Чаттоподхайя, но и на многих таких, которые еще вчера, по их собственному выражению, «стояли в стороне от политики». Когда мы приехали на самый южный мыс Индийского полуострова, нам сказали, что мы чуть ли не первые русские, чья нога вступила на эту землю. К этому один из окружающих нас индийцев прибавил вполголоса: «Но гораздо раньше вас достигли этих мест мысли, чувства, дела русских людей, — для них, как видно, нет расстояний».